

УДК 830 (09)

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ КРИТИКАМИ
ОБРАЗА ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ В ПЬЕСЕ Г. ЗУДЕРМАНА «ИОАНН»**

© 2018 г.

Г.И. Родина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамас

grodina@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.09.2018

Анализируются статьи, авторы которых представляют русское (Е.Г.Г., А.В.) и французское (Э. Род) прочтение трагедии немецкого драматурга Германа Зудермана «Иоанн» (1897) и толкование образа Иоанна Крестителя. Интерпретация ими образа свидетельствует о полярности как идейно-этической позиции русской и французской критики, так и отношения к моральному праву писателя по-своему трактовать канонизированные евангельские сюжеты и ситуации.

Ключевые слова: Герман Зудерман, образ Иоанна Крестителя, критика русская (Е.Г.Г., А.В.) и французская (Э. Род), интерпретация.

Зарубежная драма в репертуаре русских столичных и провинциальных театров на рубеже XIX–XX вв. была представлена произведениями, прежде всего, английских и французских авторов. Но наибольшее количество пьес зарубежного репертуара принадлежало в эти десятилетия перу современных немецких драматургов, среди которых лидирующее место занимал Герман Зудерман (1857–1928), популярный не только в Германии и Европе, но и в США, Японии. Русская театральная критика активно обсуждала наряду со спектаклями, шедшими на русских и европейских сценах, и пьесы Зудермана.

Для русских авторов основанием к диалогу/полюмике становились не только работы его соотечественников – немецких литературоведов, но и французских в связи с активной дискуссией по поводу трактовки образа Иоанна Крестителя в трагедии «Иоанн». Работу над пьесой Зудерман завершил в 1897 г. Уже в июне этого же года берлинские корреспонденты разных русских периодических и специально театроведческих изданий помещают информацию о новой пьесе Зудермана [1, с. 86], а в июле сообщают о ее запрещении берлинской полицией [2, с. 59]. В августе «Русские ведомости» [3] и «Биржевые ведомости» [4, с. 2]¹ печатают статьи с изложением содержания пьесы. В сентябре корреспонденты вновь возвращаются к истории ее цензурного запрета в Берлине [5]. И наконец 22 ноября из Берлина приходит сообщение о разрешении ее сценической постановки [6]. Премьера трагедии состоялась на сцене берлинского Deutsches Theater в самом начале января 1898 г., вызвав многочисленные отклики немецкой, а также европейской и русской² литературной и театральной критики, как это

обыкновенно происходило после премьер. Однако на сей раз в связи с библейским сюжетом, положенным в основу пьесы (Зудерман «решился вывести на сцену один из величайших моментов всемирной истории» [7, с. 46]), авторов интересовали не только литературно-художественный и театральный аспекты пьесы, но прежде всего вопрос о степени соотнесенности зудермановского Иоанна с каноническим образом Иоанна Крестителя. В зависимости от отношения рецензентов к моральному праву художника слова по-своему трактовать канонизированные евангельские ситуации выявилась полярность точек зрения, зафиксированная в «рецензии неустановленного автора», скрывшегося под инициалами Е.Г.Г. [8]. Рецензия была написана им по поводу публикации «одного из самых талантливых представителей французской критики Эдуарда Рода», который сфокусировал в статье мнения своих коллег о новом произведении немецкого драматурга. Е.Г.Г. выстраивает свою рецензию по принципу сопоставления концепции двух статей – Рода и его «русского собрата», «русского писателя». На наш взгляд, Е.Г.Г. имеет здесь в виду большую статью об «Иоанне» автора, также, в свою очередь, спрятавшегося за инициалами А.В. [9] (статья Рода была написана в марте 1898 г., статья А.В. – в конце того же года, т. к. его «Письма» «дозволены цензурой» 6 октября 1898 г. Исходя из этого можно предположить, что статья Е.Г.Г. была опубликована в самом конце 1898 – начале 1899 г.).

Е.Г.Г. утверждает, что русская и французская критика занимает полярные позиции вследствие своего отношения к Иоанну как художественному образу, прототипом которого стал библейский персонаж. Род «в восторге

преклоняется перед главным лицом трагедии, таким как его создал Зудерман», отмечая, что Иоанн полон «внутреннего сомнения» и в себе, и в мессии и не способен дать света окружающим, т. к. сам его не имеет, ум его «смущенный, беспокойный, колеблющийся» [8, л. 21]. «Русский собрат» француза не принял зудермановского Иоанна. Причина такого полярного расхождения в восприятии одного и того же образа заключается, по мнению Е.Г.Г., в тех требованиях, которые авторы предъявляют немецкому драматургу: «Русский писатель искал в зудермановском Иоанне библейского образа и не нашел его, французский – героя театральной пьесы и остался доволен» [8, л. 21]. Французский критик «совершенно удовлетворяется обработкой темы в том виде, как она была сделана Зудерманом, который, по его мнению, заслуживает всяческой похвалы за то, что сумел воссоздать тип, лишь общими штрихами очерченный евангелистами. О верности или даже возможности такого типа у Рода нет и речи – для него он является лишь воплощением отвлеченной идеи» [8, л. 22]. Поэтому французского автора и не смущает несходство этого образа с библейским, явившееся, кстати, причиной «цензурной опалы», запрета в Берлине пьесы, которая «только благодаря личной воле императора была допущена на сцену» [9, с. 3–4].

Сам Е.Г.Г. не разделяет взглядов французского автора, выражая (вместе с А.В.) позицию русской критики в целом [10, с. 82] и объясняя в конце статьи причину неприятия русской духовной культурой образа Иоанна в зудермановской трактовке (и, добавим, главную причину отсутствия его сценической интерпретации в России): «Такое представление об Иоанне Крестителе настолько чуждо нам, привыкшим видеть в нем прежде всего святого, Богом вдохновенного пророка, что для нас такая точка зрения совершенно непонятна. По этой же причине невозможно нам, русским читателям, разделить пожелание Рода относительно того, чтоб библейские сюжеты почаще подвергались такой же обработке в театральных пьесах и чтоб пример Зудермана нашел побольше подражателей» [8, л. 22].

Следует отметить, что трагедия «Иоанн», перевод которой появился в 1898 г. в мартовской книжке «Русского вестника», так и не была поставлена ни в одном из русских театров и не нашла «подражателей», но издавалась неоднократно [11–14].

По наблюдению Е.Г.Г., концептуальное расхождение Рода и А.В. не исключает единичного сближения их суждений при оценке образа Иоанна как художественного образа, который обоими критиками воспринимался как отраже-

ние мироощущения их современников. С точки зрения Рода, «зудерманов Иоанн воплощает или представляет в своем лице сомнение, <...> тревогу», «внутреннее сомнение», что роднит его с человеком конца XIX столетия, также «не знающего идеалов в настоящем и ожидающего их лишь в будущем». И А.В. размышляет о «современности старого сюжета»³, напоминая о том, что действительность конца века «часто сравнивали с эпохой пришествия в мир Христа Спасителя», с той «великой эпохой», когда людям «открылся иной, дотоле неведомый смысл жизни» и «единственный путь к идеалу» [9, с. 4–5]. А.В. признает, что Зудерман благодаря своей «истинно художественной чуткости» увидел, что «это далекое прошлое снова начинает быть современным» [9, с. 11, 4].

В статье А.В. дан исчерпывающий идейно-тематический и образный анализ всей трагедии в целом и каждого действия в отдельности и четкий ответ на вопрос: «Почему этот Иоанн так не похож на библейского?». По мнению А.В., «потому, что Иоанн *слишком* современен, слишком напоминает моралистов нашего века и нашей культуры» [9, с. 28] (курсив автора. – Г.Р.). К тому же «вековая триада закона, греха и власти», рассматриваемая в трагедии, освещается, как утверждает А.В., не «евангельски настроенным человеком», а «представителем современной западной мысли» [9, с. 28]. Приведем здесь пространную цитату А.В., в которой четко расставлены акценты в восприятии трагедии русским читателем. Во-первых, «Евангелие признает закон недостаточным; но оно не упраздняет его, а восполняет; современный же человек, также считая закон недостаточным, хочет стать не выше закона, а *вне* закона, – вне «условных» (будто бы) различий между добром и злом (Ницше)» [9, с. 28]. Во-вторых, «Евангелие зовет на борьбу с грехом как на главное дело жизни и указывает средства для этой борьбы; но оно не упраздняет тех отношений, в которые всего скорее вплетается грех (например, семейных и вообще всех, которые держатся любовью); современный же, автономно-ригористически настроенный, человек во имя чистоты готов отрицать и семью, и брак, и нравственную законность деторождения (даже у нас в России в последнее время одним крупным – впрочем, в других отношениях весьма почтенным – мыслителем были развиваемы подобные взгляды)» [9, с. 29]. В-третьих, «Евангелие, организуя царство *не от мира сего*, не отрицает, однако, и царств сего мира, предоставляя им устроиться своими средствами и согласно со своими целями и лишь напоминая своим последователям, что они созданы не для этого царст-

ва, но должны искать другого. Современный же культурный человек хочет упразднить земные царства и земные власти ради общечеловеческого единения и мировой «кооперации». Вот эти-то современные утопии, эти три, так сказать, лже-догмата, быть может, помимо воли и сознания Зудермана и вплелись в его трагедию» [9, с. 29] (курсив А.В. – Г.Р.).

Поведение и поступки Иоанна критик объясняет тем, что того «ведет не дыхание Духа Божия, а изощренный естественный инстинкт, в большей или меньшей степени присущий каждому израильянину». Поэтому Иоанн в трагедии постоянно «идет как бы оцупью», «беспомощен при столкновении с фарисеями», «жалок в той женской интриге, в которую Зудерману угодно было его вовлечь», «смешон Ироду», «не знал Его, – не знал все время, пока шел вперед, и сознал свою ошибку, лишь когда уже некуда было больше идти... Нет, библейский Иоанн «знал» Его, «знал» также и то, куда ему идти, ибо его вел Дух Божий» [9, с. 29] (курсив А.В. – Г.Р.). Наконец, библейскому Иоанну неизвестны «земное самолюбие и завистничество, не свойственно сожаление, что "не он"» оказался на Его месте [9, с. 30]. На тех же идейно-этических позициях, что Е.Г.Г. и А.В., стоит и К.Ф. Головин, сожалея о том, что «не одного Иоанна, но косвенно, пожалуй, и самого Христа низвели до театральных кулис и сделали из Евангелия предмет сценического эффекта» [10, с. 82].

Статья А.В. оказалась столь исчерпывающей в аргументации неприятия трагедии русскими театрами, что шумный интерес к новой пьесе Зудермана и дискуссии вокруг его трагедии, длившиеся в течение 1897–1898 гг., закончились после этой публикации (1898). Идейные споры с драматургом были настолько принципиальными для русских авторов, что художественная сторона трагедии почти осталась за пределами полемики⁴.

Примечания

1. Через год М. Полтавский вновь обратится к этому произведению в статье «"Иоанн Креститель". Трагедия Зудермана» [7, с. 46–48].

2. **Интенсивность информации о пьесе в русской литературной и театральной периодике в 1898 г. можно проследить по датам и месяцам:** Русские ведомости. М., 1898. 13 янв. С. 3; Русское слово. М., 1898. 14 янв. С. 3; Арефьев Н. «Иоанн». Трагедия Г. Зудермана // Новости. 1898. 17 янв. С. 7; Арефьев Н. «Иоанн». Трагедия Г. Зудермана // Биржевая газета. 1898. 19 янв. С. 3; Московские ведомости. М., 1898. 29 янв. С. 3; Заграничная хроника. «Иоанн Креститель», драма Германа Зудермана // Вестник иностранной литературы. СПб., 1898. № 3. С. 316–320; Мос-

ковские ведомости. М., 1898. 29 авг. С. 3; Биржевые ведомости. СПб., 1898. № 6. С. 46–48 [8]; Новости сезона. М., 1898. № 443. С. 2; За границей // Театрал. М., 1898. № 155. С. 48–50; Гроссман Г.А. Немецкие драматурги // Образование. СПб., 1898. № 10 (отд. 2-й). С. 1–14.

3. В том, что «русский писатель», которого упоминает в своей статье Е.Г.Г., это именно автор, скрывающийся под инициалами А.В., убеждает нас в том числе и цитируемая Е.Г.Г. эта фраза (о «современности старого сюжета»). Ее мы находим в статье А.В. «Письма о современном искусстве. Письмо первое» [9, с. 12].

4. Исключение составляет, пожалуй, лишь статья М. Полтавского «"Иоанн Креститель". Трагедия Зудермана» [7]. Высокая оценка художественного мастерства Зудермана в трагедии дана К.Ф. Головиным [10].

Список литературы

1. За границей // Театрал. М., 1897. № 121. С. 85–87.
2. За границей // Театрал. М., 1897. № 123. С. 59–60.
3. -У-. «Иоанн». Новая драма Зудермана // Русские ведомости. М., 1897. 14 авг. С. 5.
4. Полтавский М. Запрещенная драма Зудермана // Биржевые ведомости. СПб., 1897. 29 авг. С. 2.
5. Запрещение драмы Г. Зудермана. «Иоанн» // Вестник иностранной литературы. СПб., 1897. VII. Сентябрь. С. 375–377.
6. Новая пьеса Зудермана // Курьер. М., 1897. 22 нояб. С. 3.
7. Полтавский М. «Иоанн Креститель». Трагедия Зудермана // Биржевые ведомости. СПб., 1898. № 6. С. 46–48.
8. Е.Г.Г. «Эд. Род об "Иоанне Крестителе" Зудермана». Рецензия на статью Э. Рода «Une Tragedie de M. Sudermann» (Revue des Deux Mondes. 1898. Март). РГАЛИ. Ф. 1571. Кол. Юдина. Оп. 1. Ед. хр. 3341. Л. 21–22.
9. А.В. Письма о современном искусстве. Письмо первое («Иоанн Креститель» Зудермана на сцене берлинского Deutsches Theater). М., 1898. С. 3–31.
10. Головин К.Ф. Зудерман как драматург // Ежегодник Императорских театров. Вып. V. СПб., 1910. С. 72, 80–82.
11. Зудерман Г. Иоанн. Трагедия в 5 д. / Пер. [с 25-го нем. изд.] Я. Рубинштейна. Харьков: Печатное дело, 1900. 137 с.
12. Зудерман Г. Иоанн. Трагедия в 5 д. с прологом / Пер. В. Саблина // Зудерман Г. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. М., 1903. С. 1–103.
13. Зудерман Г. Иоанн. Трагедия в 5 д. с прологом / Пер. П.Д. Городецкой. Под ред. Л.М. Василевского. М.: Польза, В. Антик и Ко, 1908. 103 с.
14. Зудерман Г. Иоанн. Трагедия в 5 д. с прологом / Пер. П.Д. Городецкой. Под ред. Л.М. Василевского. Изд. 2-е. М.: Польза, В. Антик и Ко, 1911. 104 с.

NATIONAL SPECIFICS OF PERCEIVING THE IMAGE OF JOHN THE BAPTIST
IN HERMANN SUDERMANN'S PLAY «JOHANNES»

G.I. Rodina

The paper focuses on the articles that offer interpretation of German playwright Hermann Sudermann's tragedy «Johannes» (1897) and the character of John the Baptist by Russian (Ye.G.G. and A.V.) and French (E. Rod) critics. Their interpretation of this character indicates the polar ideas and ethical positions of Russian and French critics, as well as their attitudes to a writer's moral right to interpret canonical Gospel episodes in his own way.

Keywords: Hermann Sudermann, character of John the Baptist, Russian literary criticism (Ye.G.G. and A.V.), French literary criticism (E. Rod), interpretation.

References

1. Za granicej // Teatral. M., 1897. № 121. S. 85–87.
2. Za granicej // Teatral. M., 1897. № 123. S. 59–60.
3. -U-. «Ioann». Novaya drama Zudermana // Russkie vedomosti. M., 1897. 14 avg. S. 5.
4. Poltavskij M. Zapreshchennaya drama Zudermana // Birzhevye vedomosti. SPb., 1897. 29 avg. S. 2.
5. Zapreshchenie dramy G. Zudermana. «Ioann» // Vestnik inostranoj literatury. SPb., 1897. VII. Sentyabr'. S. 375–377.
6. Novaya p'esa Zudermana // Kur'er. M., 1897. 22 noyab. S. 3.
7. Poltavskij M. «Ioann Krestitel'». Tragediya Zudermana // Birzhevye vedomosti. SPb., 1898. № 6. S. 46–48.
8. E.G.G. «Ehd. Rod ob "Ioanne Krestitele" Zudermana». Recenziya na stat'yu Eh. Roda «Une Tragedie de M. Sudermann» (Revue des Deux Mondes. 1898. Mart). RGALI. F. 1571. Kol. Yudina. Op. 1. Ed. hr. 3341. L. 21–22.
9. A.V. Pis'ma o sovremennom iskusstve. Pis'mo pervoe («Ioann Krestitel'» Zudermana na scene berlinskogo Deutsches Theater). M., 1898. S. 3–31.
10. Golovin K.F. Zuderman kak dramaturg // Ezhegodnik Imperatorskih teatrov. Vyp. V. SPb., 1910. S. 72, 80–82.
11. Zuderman G. Ioann. Tragediya v 5 d. / Per. [s 25-go nem. izd.] Ya. Rubinshtejna. Har'kov: Pechatnoe delo, 1900. 137 s.
12. Zuderman G. Ioann. Tragediya v 5 d. s prologom / Per. V. Sablina // Zuderman G. Sobranie sochinenij: V 2 t. T. 2. M., 1903. S. 1–103.
13. Zuderman G. Ioann. Tragediya v 5 d. s prologom / Per. P.D. Gorodeckoj. Pod red. L.M. Vasilevskogo. M.: Pol'za, V. Antik i Ko, 1908. 103 s.
14. Zuderman G. Ioann. Tragediya v 5 d. s prologom / Per. P.D. Gorodeckoj. Pod red. L.M. Vasilevskogo. Izd. 2-e. M.: Pol'za, V. Antik i Ko, 1911. 104 s.